

Гунченко С.Д.
(Одесса)

СМЫСЛОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АНГЛИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассмотрена взаимосвязь юридической терминологии с юридической наукой, ее актуальность на современном этапе развития украинской государственности и украинского языка; взаимоотношения между юриспруденцией и языкознанием в пределах юрислингвистики как науки. На базе английских терминов проанализированы их неоднозначность использования, а отсюда — неточное или ошибочное употребление в формулировке правовых норм, что приводит к неоднозначному их толкованию.

Ключевые слова: юрислингвистика, сроки юридической науки, правовое сознание, лингвокультурология, английская юридическая терминосистема.

У лингвистики и юриспруденции всегда было и есть много общих сфер, и тенденции к сближению этих наук вполне очевидны. Видимо, не случаен в этом плане возврат к традиционным лингвистическим терминам типа *закон, норма, установление, регламентация*, которые издавна существовали в языкознании. И к ним добавляются новые — *прецедент, презумпция, субъект (деятельности), кодекс, акт (речевой), участники (речевой ситуации), дискриминация (лингвистическая)*.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что место языка права в ряду функциональных подсистем национального (в нашем случае английского) языка определено недостаточно точно; не до конца выявлена структурно-семантическая специфика английской юридической терминосистемы, а также характер соотношения правовой терминологической парадигмы с комплексом нетерминологических средств выражения соответствующих концептов; да и сам юридический дискурс в ряде своих аспектов требует дальнейшего теоретического рассмотрения.

Любая область профессиональной деятельности имеет вербальное обеспечение; ее коммуникативные нужды обслуживаются соответствующей подсистемой национального языка, которая включает лексико-фразеологический фонд, состоящий из монологических и составных терминов, устойчивых наименований и профессионализмов, а также комплекс структурно-семантических моделей уровня словосочетаний и уровня высказываний. Помимо системно-языковых средств, существует

ряд речевых способов лингвистического обеспечения профессиональной отрасли, обуславливающих нормативно- и функционально-стилистические, дискурсивные, жанровые, этикетные особенности осуществления речевой деятельности в русле заданной тематики. В этом отношении юридическая отрасль не является исключением. Изучению специфики юридического языка, соотношения интернационального и национального компонентов его лексикона, его культурно-исторических истоков, внеязыковых обстоятельств и условий его формирования и развития, его собственно языковых особенностей посвящен ряд трудов отечественных и зарубежных исследователей. В настоящее время набирает силу такая отрасль лингвистических изысканий, как юрислингвистика, в рамках которой концентрируются усилия ученых, занимающихся анализом и комплексным описанием языка права и юридического дискурса в социальном, культурном и психологическом контексте, в тесной связи с экстралингвистической сферой функционирования языка права.

Юрислингвистика призвана выяснить, какие стороны и черты естественного языка задействуются в пространстве, какие его грани наиболее ярко высвечиваются в сфере законотворчества, в области надзора за соблюдением законов, в области обеспечения гражданских прав и свобод, в сфере практики судопроизводства, в других (неюридических) сферах. Это должно способствовать решению не только юридических задач, но и собственно лингвистических проблем. Формирование правовых положений, судебно-лингвистическая экспертиза, толкование текстов гражданского и уголовного кодексов, решение юридических казусов, установление авторского права и т.п. — все это когнитивная, правовая и коммуникативная деятельность, имеющая также лингвистический аспект, и в связи с этим она должна служить материалом для языковедческих поисков, проводимых не в последнюю очередь в собственно лингвистических целях.

Цель и задачи данного исследования состоят в ответе на вопросы, зачем юристам нужна лингвистика, а лингвистам — юриспруденция и какова граница компетенции той и другой в пересекающихся проблемах. Юристов, конечно,

интересует конечная правоведческая цель (например, определение виновности и ее степени, точная формулировка и однозначное толкование закона и пр.). Язык попадает в их поле зрения постольку, поскольку, во-первых, на естественном национальном языке пишутся законы и нормативные акты, дается юридическая оценка действий и деяний, выносятся постановления и приговоры. И поэтому юристов должен интересовать вопрос: в какой степени язык соответствует предъявляемым ему требованиям, какие стороны языка способствуют выполнению им нужных функций, а какие — создают помехи, и, следовательно, как использовать первое и как нейтрализовать второе. Другими словами, правоведы должны быть осведомлены о системно-языковых и функциональных свойствах естественного языка как субстрата языка юридического, и эти знания должны входить в лингвоюридическую компетенцию правоведов [1]. Во-вторых, на естественном национальном языке ведется состязание обвинителя и защитника, на нем сообщают факты участники процесса, наконец, на нем происходит все речевое поведение этих участников: оскорбления, обманы и прочие речевые действия могут сделать простых граждан истцами и ответчиками. Таким образом, для юристов особый интерес представляет коммуникативно-речевой аспект языка, а именно — прагматический, поскольку язык является средством воздействия на психику и поведение других людей, нередко — посредством манипуляции. Поэтому юристы должны быть компетентны в вопросе, какие свойства языка позволяют это делать, как использовать эти свойства и как раскрывать способы речевого манипулирования другими людьми. Правоведы признают огромную роль языка как орудия убеждения, как способа воздействия на общество в целом и на отдельную личность в частности — убеждение подсудимого в целесообразности признания, суггестивное воздействие на суд, в частности суд присяжных. Существует большое количество литературы о языке судебных речей, авторами которых являются филологи, логики, психологи и сами юристы [2].

Исследования в перечисленных направлениях должны внести вклад в урегулирование ряда вопросов, находящихся на грани областей права и языка: проблемы национально-языковой политики; законодательная защита «экологии» языка; проблемы статуса литературного языка; охрана прав граждан на лингвистическую свободу; юридические аспекты выбора языка обучения в образовательной сфере и т.д.

Результаты исследования. В поле юрислингвистики возможны социолингвистический, дискурсивный, терминоведческий и другие подходы.

Каждый из них освещает определенную грань отношений между юриспруденцией и языкознанием. Так, с позиций терминоведческого подхода изучается специфика лексических значений юридических терминов, особенности выполнения ими номинативной функции, характер связи между экстралингвистическими реалиями соответствующей предметной области, принадлежащими к лексико-фразеологическому фонду юридического языка [1].

С позиций лингвокультурологии анализируются юридически-ориентированные культурные концепты (такие как «закон», «справедливость», «милосердие» и т.п.) во взаимодействии их логических и «наивных» трактовок [2].

В этой связи представляется необходимым вкратце остановиться на понятии *наивное юридическое языковое мышление*. Оно составляет часть обыденного (по А.Ф. Лосеву, так наз. *обывательского*) языкового мышления, в рамках которого термины юридической науки трактуются в категориях бытовых представлений о справедливости и правосудии. Так, члены суда присяжных не являются профессиональными юристами и, не искушенные в языке права, нередко понимают английский термин *murder in cold blood* буквально, как *хладнокровное убийство*, тогда как на самом деле этот термин означает *преднамеренное убийство*. Такое понимание может сказаться на вынесении вердикта: если убийца в момент совершения преступления испытывал волнение (*was in hot blood*), это служит в глазах присяжных смягчающим обстоятельством независимо от наличия заранее обдуманного намерения. Рассматриваемое явление обусловлено неверным истолкованием идиоматичного термина, которое, в свою очередь, вызвано расхождением между его значением и внутренней формой.

Что касается юридического языка, он характеризуется средней степенью формализации: с одной стороны, в нем не используются математика и невербальная символика, а с другой стороны, он весьма точен и фригиден в своей семантике вследствие необходимости предельно ясного и однозначного описания обстоятельств дела в категориях закона.

Во-вторых, динамика исследовательской мысли и плюрализм научных мнений обуславливают «размывание» жестко определенного значения термина, появление разноречивых трактовок, и, в конечном счете — распад термина на несколько лексико-семантических вариантов. Например, политологи и юристы расходятся во мнениях относительно содержания термина *fascism*, что затрудняет квалификацию деятельности некоторых политических группировок в терминах закона об

уголовной ответственности за пропаганду фашистских идей. Значение этого слова в определенной мере размыто и проявляет тенденцию к распаду на несколько значений. Развитие семантической структуры слова приводит к тому, что *новое вино вливается в старые мехи*: прежняя внутренняя форма знака перестает полностью соответствовать его новым значениям. Например, английский термин *default* (< Old French *defaute* «обман» < *défaillir* «обманывать») ныне десигнирует понятия, выходящие за рамки исходного значения: *'a failure to discharge a duty'*.

Неполное совпадение значения термина с его внутренней формой и проистекающая из него неполная мотивированность значения термина приводят к тому, что у такого «неидеального» термина дефиниционная, а иногда и идентифицирующая функция заменяются характеристизационной функцией. Внутренняя форма термина при этом лишь указывает на характерный признак объекта, не являясь его полной дефиницией. Например, термин *force majeure* (< French *force majeure* lit. 'major force'), означающий *'event affecting the contract and being completely outside the parties' control..., that interferes with the supplier's performance of an agreement'*, в своей внутренней форме отражает лишь характерный признак соответствующей типовой ситуации, но не определяет эту ситуацию полностью [5].

Одной из важнейших функций терминов является кумулятивная. Она состоит в том, что в семантике знака накапливаются научные и технические сведения, полученные в ходе познания. Термин служит как бы представителем теории, которая за ним стоит, отсылает реципиента к этой теории. Именно благодаря выполнению этой функции становится возможной значительная компрессия информации в тексте. Объем заключенной в термине информации особенно наглядно предстает в его энциклопедическом толковании, которое по своей длине может в сотни раз превышать длину самого термина. Лаконичность текста, насыщенного семантически емкими терминами, составляет его большое достоинство и является преимуществом перед текстами, состоящими из терминов малой семантической емкости.

Термины, имеющие образную основу, сохраняют рудиментарную способность к выполнению изобразительной функции: в их внутренней форме по-прежнему зафиксированы наглядные детали обозначаемого объекта. Например, *green paper* ('document presented by government to Parliament for consideration'). Что касается экспрессивной и эмотивно-оценочной функций, следует отметить, что, становясь термином, слово или словосочетание, пришедшее из другого пласта

лексико-фразеологического фонда, практически полностью их утрачивает. Терминологические метафоры и другие выразительные средства принадлежат к числу стершихся: их былая экспрессивность более не ощущается носителями языка.

Это, однако, не касается рациональной оценочности. Несмотря на наличие тенденции к полной объективности позиции исследователя, которая заключена в терминах, некоторые из них все же содержат в себе рациональную оценку обозначаемого объекта. Так, термины *crime, murder, blackmail* и т.п. несут в себе негативную оценку, а термины *good faith, charity justice* и т.п. — положительную рациональную оценку. Значительное количество терминов не отвечает требованиям стопроцентной номинативной точности, однозначности, мотивационной прозрачности, и эти отступления от установленного канона иногда не только не препятствуют, но, напротив, способствуют выполнению ими надлежащих функций. Вышеупомянутый терминологический канон — не непреложная закономерность, а лишь тенденция в сфере терминологии.

Английская юридическая терминология характеризуется рядом особенностей по сравнению с ее эквивалентами в других национальных языках, с терминологическими системами других специальных областей знания и с лексиконом общепотребительного пласта естественного языка. На пересечении этих трех линий сопоставления наглядно проступает разнообразие рассматриваемой терминологической парадигмы. Оно определяется рядом факторов, относящихся, с одной стороны, к специфике строя английского языка (лингвистические факторы), а с другой, к особенностям предметной области языка права и уникальности путей социально- и культурно-исторического развития английской нации (экстралингвистические факторы).

Таким образом, можно проследить следующую причинно-следственную цепь: давность происхождения английских базовых юридических терминов обусловила высокую степень их ассимилированности, проявившейся в редукции и опрощении. Этим объясняется высокий процент односложных корневых слов в ядре английской юридической терминосистемы. Это весьма удобное свойство, так как оно дает возможность создавать производные термины (сложные слова и словосочетания), мотивационно прозрачные, но не страдающие чрезмерной длиной и громоздкостью. Например, *tax base, tax law, prize court, war crime, etc.* В украинском языке соответствующие термины зачастую многосложны и громоздки [5].

В сфере английских устойчивых словосочетаний наблюдается тенденция к использованию

лаконичных беспредложных и бессоюзных конструкций. Например: *majority verdict* «вердикт, признаваемый действительным лишь в случае его вынесения большинством присяжных» (в противовес *totality verdict* «вердикт, действительный лишь в случае единогласного решения присяжных») и т.п.

Необходимость как можно более верного соотнесения обстоятельств дела с требованиями закона, соблюдения нравственных и идеологических принципов социума в формулировках законодательных актов, адекватного истолкования правовых документов требует от юридического языка максимальной точности и однозначности выражения мысли. В этом аспекте юридические тексты характеризуются разной степенью семантической ригидности в зависимости от степени абстрактности, конкретности выдвигаемых законодательных положений. Еще Бонапарт, комментируя свой знаменитый наполеоновский кодекс, указывал, что текст конституции (основного закона) страны должен быть сформулирован кратко и туманно; во всяком случае, он должен быть абстрактным, способным «покрыть» собою многочисленные и постоянно модифицируемые частные законы. Правовые нормы, входящие в Гражданский и Уголовный кодексы, должны быть сформулированы точнее и конкретнее, так как именно на них ориентированы судебные решения. Еще в большей степени это относится к подзаконным актам, указам и постановлениям законодательных органов, а также к решениям суда. В них нет места амбивалентным формулировкам, тропам и фигурам речи и прочим размывающим смысл риторическим приемам: ведь от точности формулировки зависит вынесение вердикта и приговора.

Не только тексты законов и постановлений, но и протоколы судебных заседаний, а значит, и тексты выступлений участников судебного процесса должны содержать недвусмысленную и точную информацию.

Внутренняя форма некоторых терминов, вследствие полисемии их компонентов, такова, что эти термины могут декодироваться двояко. Например: *criminal lawyer* — юрист-преступник или *специалист по уголовным делам*; *criminal action* — преступное деяние или *уголовное дело* (реальное значение — *повод для возбуждения судебного дела*) и т.п. Такие термины лишь отчасти мотивационно-прозрачны.

Собственно юридический язык — это язык соответствующих документов и протокольных речей работников правосудия; используемые при этом термины и формулировки моносемантичны, они имеют строгие и точные значения, снабженные однозначно интерпретируемыми дефинициями в отраслевых словарях, а также пространными,

исчерпывающими толкованиями в специализированных справочниках, текстах законов и т.п. Протокольная речь юристов изобилует клишированными терминологическими оборотами. Это необходимо по ряду причин.

Во-первых, это продиктовано необходимостью соотносить обстоятельства конкретного судебного дела с требованиями закона. Социальная, психологическая, культурная действительность весьма многообразна, и в ряде случаев бывает нелегко подвести то или иное отдельное происшествие под определенную судебную формулировку. Возникают так называемые юридические казусы, которые, в случае неясности или амбивалентности текста закона (указа и т.п.), провоцируют вынесение судебных решений на основе произвола, по принципу, выраженному в пословице: «Закон, что дышло: куда повернешь, туда и вышло». Такое положение дел недопустимо; во избежание казусов формулировки должны быть точны и однозначны. Однако, с другой стороны, они должны быть достаточно абстрактны, чтобы охватить большое число случаев, характеризующихся наличием структурного инварианта. Формулировка должна четко очерчивать круг подпадающих под нее ситуаций и отражать комплекс их релевантных интегральных признаков.

Во-вторых, строгость и точность форм выражения мысли в юридическом дискурсе необходима для вынесения адекватных судебных решений. Ошибочное использование одной формулировки вместо другой (похожей) может привести к неверной квалификации инкриминируемого деяния и, соответственно, вынесению несправедливого приговора. Так, следует учитывать, что формулировка *The defendant is proved to have committed the action incriminated* еще не является основанием для вынесения приговора. Дело в том, что подсудимый, совершив некое деяние, может тем не менее быть невиновным в нем (если он, например, действовал в пределах необходимой обороны). Для вынесения судебного решения требуется несколько иная формулировка: *The defendant is proved to be guilty of having committed the action incriminated*, подчеркивающая, что подсудимый действовал противоправно.

В-третьих, обилие рутинных формулировок стандартных единиц содержания ускоряет и облегчает понимание излагаемой мысли и тем самым позволяет снизить временные затраты.

В-четвертых, использование облигаторных формулировок превращает текст в юридический документ и делает его валидным в глазах закона.

Таковы факторы, обуславливающие преимущественное применение специальных средств выражения мысли в юридическом дискурсе.

Работники правоохранительных органов и правосудия, а также те граждане, чьи права охраняет закон, и те, которые этот закон нарушают, находятся в одном коммуникативном поле. Вследствие этого они, общаясь друг с другом, в ряде случаев пользуются одними и теми же языковыми средствами: юридическими терминами и жаргонизмами (не только профессиональными, но и корпоративными), а также бытовыми оборотами речи, относящимися к упомянутому полю. Это касается даже слэнга и арго (криминального жаргона), элементы которых иногда встречаются в непротокольной речи сотрудников полиции, следственных органов, прокуратуры и суда. Арготизмы в некоторых отношениях сходны с профессиональными жаргонизмами, но при этом отличаются от них прежде всего позицией продуцента речи: они «подают» ситуацию с позиции нарушителя, а не блюстителя закона (выражают негативную оценку всего, что связано с законом, не содержат морального осуждения правонарушений), хотя нередко звучат насмешливо по отношению не только к правосудию, но и к самой криминальной среде. Употребляя их, правоохранители выступают с чужой позиции, что в их устах придает слэнгизмам и арготизмам дополнительную экспрессию. (Ср. англ. *sleuth* «сыщик», рус. *мент* и т.п.)

Кроме того, арготизмы, в отличие от профессионализмов, выполняют конспиративную функцию; однако многие из них стали более или менее общеизвестными, и в речь юристов вкрапляются, как правило, именно такие арготизмы.

Приведем ряд примеров коллоквиализмов общего и узкоупотребительного характера, которые в проанализированном материале вложены в уста юристов и сотрудников полиции и прокуратуры.

Beak — судья;

cooler — тюремная камера (ср. рус. устар. *посадить в холодную*) или тюрьма;

to do time — отбывать тюремное заключение (ср. рус. *мотать срок*);

to do in — убить (ср. рус. *уделать*); ср. также *to bump off* (укокошить).

Особого упоминания заслуживают варваризмы. Они отличаются от заимствованных слов тем, что они совсем или почти не ассимилированы заимствующим языком и сохраняют иноязычную форму. По наблюдениям, в английском юридическом языке это главным образом слова и обороты из латинского и французского языка. Такие слова и обороты можно подразделить на два вида:

1) *Собственно юридические термины*. Они употребляются обычно как полноправные синонимы англоязычных терминов. Например: *Corpus delicti* (лат.) — состав преступления; *status quo*

(лат.) — положение дел; *corpus juris* (лат.) — свод законов; *crimen falsi* (лат.) — мошенничество;

habeas corpus (лат.) — проверка конституционности обвинения;

force majeure (франц.) — необратимая сила, неподконтрольные обстоятельства;

à bon droit (франц.) — на законном основании; *compte rendu* (франц.) — полное изложение судебного дела (и т.п.).

2) *Служебные обороты речи*. Они регулярно используются в юридическом дискурсе, хотя не только в нем, и с грамматической точки зрения представляют собой обстоятельства, дополняющие, поясняющие и уточняющие излагаемую мысль. К их числу относятся: *sub nomine* (лат.) — под именем; *inter se* (лат.) — между собой; *sub rosa* (лат.) — тайно, по секрету; *in toto* (лат.) — целиком;

bona fide (лат.) — чистосердечно (а *bona fide confession* — чистосердечное признание);

comme ça (франц.) — так, таким образом; *par excellence* (франц.) — преимущественно; *carte du pays* (франц.) — положение дел (и т.п.).

Цель использования варваризмов в юридическом языке в целом та же, что и других (перечисленных выше) видов вкраплений: обеспечить смысловую емкость высказывания при его сравнительной краткости и адекватно смоделировать описываемое положение дел с помощью внутренней формы языка. В ряде случаев эта цель эффективнее достигается путем употребления иностранного оборота, так как он оказывается более удачным в плане моделирования действительности, чем оборот родного языка. Кроме того, юридические варваризмы интернациональны и поэтому облегчают международное общение на юридические темы. В какой-то мере они выполняют функцию международного юридического языка.

Говоря в целом, можно заключить, что вкрапление в юридический дискурс элементов, не входящих непосредственно в терминологическую систему, необходимо и полезно в тех случаях, когда это ни в каких отношениях не препятствует достижению его коммуникативных целей. Различие между языком (средством) и речью (способом) мышления и общения определяется рядом концептуальных оппозиций. Прежде всего, в этом контексте следует назвать жанр юридического документа. Этот сугубо официальный, письменный жанр, изобилующий юридической терминологией, официальными оборотами речи, сухой и беспристрастный. Несмотря на то, что фактически его автором выступает конкретное лицо (лица), он составлен так, как будто его автором является некая надличностная сила — Судьба, божество, правительство, народ и т.п. Его характерными

особенностями являются обезличенность, объективность и беспристрастность. К этому жанру относятся тексты конституций, сводов законов и иных законодательных документов (указов, постановлений и т.п.), а также словарных дефиниций в отраслевых юридических источниках и др. Подобного рода тексты составляются законодателями, дипломированными специалистами по юриспруденции и т.п. При этом они стремятся к максимальной обезличенности и самоотречению. В английской речи стиль такого рода документов тяготеет к использованию безличных оборотов, модальных глаголов долженствования, отглагольных существительных (и вообще номинативных выражений), одно- и многословных терминов, резкому ограничению (вплоть до нуля) применения эмотивно-оценочных средств выражения мысли, абстрактности и книжности. Ниже приводится образец такого стиля речи. «The United States shall guarantee to every state in this Union Republican form of Government. That section of the Constitution has been held to provide that the United States shall protect each of the states against invasion; and on the application of the legislature or of the executive (when the legislature cannot be convened) against domestic violence». Судебное разбирательство нередко протекает в условиях дефицита сведений об обстоятельствах дела и высокого уровня информационной неопределенности (энтропии). В этих условиях принять адекватное и справедливое решение нелегко. Если в распоряжении прокурора или адвоката имеется недостаточно фактических данных, которые служат оптимальным средством для того, чтобы придать обвинению (или защите) нужную степень достоверности, они прибегают к логической казуистике и/или суггестивному красноречию, которые являются распространенными элементами этого жанра юридического дискурса [3]. Казуистика — это система доказательств, основанная на скрытом нарушении законов логики, на использовании так называемых паралогизмов («дефектных» силлогизмов). Это осуществляется путем эксплуатации таких систем естественного языка, как синонимия, полисемия, паронимия, семантическая размытость, приращение смысла, коннотативность, идиоматичность, диахроническая и контекстуальная вариативность значений знаков. Например, незаконное деяние порой «обеляется» в глазах аудитории путем подбора тематически близкого наименования, лишённого негативных коннотаций. Так, вместо слова *bribe* (взятка) употребляются наименования *present*, *gift*, *souvenir*, *financial aid* и т.п.; вместо *swindling* (мошенничество) или *machinations* (махинации) — нейтральные названия типа *monetary operations* и т.п. Тем самым из рассмотрения изымаются семы

«незаконность» и «аморальность». В других случаях одно и то же слово употребляется в разных контекстах с разными оттенками смысла и разными коннотациями незаметно для аудитории. Так, наименование *black person* (чернокожий), нейтральное, употребляется в соседстве с негативно окрашенными словосочетаниями *black designs*, *schemes* (черные замыслы), *black deeds* (черные дела) и т.п., и эта окраска незаметно переносится на словосочетание *black person*, что может инспирировать негативное отношение к подсудимому и в итоге повлиять на вынесение вердикта [4-10]. Концептосфера права, будучи одной из фундаментальных форм общественного знания, играет важнейшую роль в формировании и развитии человеческой цивилизации и культуры, наряду с религией, фольклором, идеологией, наукой, искусством и т.д. Становление правового сознания знаменует собой формирование демократических институтов и в целом приближение человечества к гуманистическим идеалам. Язык права, равно как и юридический дискурс, заслуживают пристального изучения с позиций юрислингвистики, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Особого внимания заслуживает применение языка права за пределами собственно юридического дискурса, обусловленное высокой социокультурной значимостью правовой сферы в современной цивилизации.

Выводы. В данной области исследований предстоит сделать еще немало. Ниже перечисляется ряд возможных перспектив дальнейшей работы в избранном направлении:

- превращение юрислингвистики в относительно самостоятельную отрасль науки, смежную с языкознанием, культурологией и правоведением;
- дальнейший анализ структурных, содержательных и функциональных особенностей терминологии права;
- исследование прагматических и иных характеристик нетерминологических (разговорных, профессионально-жаргонных и т.п.) наименований из области права.

Литература

1. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н.Д. Голев // Юрислингвистика: Проблемы и перспективы. — Барнаул : изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. — 11. — 59 с.
2. Иванова С.В. Культурологический аспект языковых единиц / С.В. Иванова. — Уфа : Башкирский гос. ун-т, 2002. — 116 с.
3. Калинина Н.А. Лингвистическая экспертиза законопроектов: опыт, проблемы, перспективы / Н.А. Калинина. — М. : Правовое управление аппарата Госдумы РФ, 1997.
4. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу / А.А. Кибрик. — Вопросы языкознания, 1994. — С. 126-139.
5. Аспекты терминоведения. — Киев : УМКВО, 1989. — 104 с.
6. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н.Г. Комлев. — М. : Наука, 2003. — 192 с.
7. Палашевская И.В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. Наук / И.В. Палашевская. — 2001. — 23 с.
8. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. — М. : Лабиринт, 1999. — 268 с.
9. Ревзина О. Язык и дискурс / О. Ревзина // Вестник МГУ. — Серия 9. Филология. — М., 1999. — С. 25-33.
10. Савицкий В. М. Проблема моделирования во фразеологической системе языка : автореф. дис. на соискание ученой степени доктора филол. наук / В.М. Савицкий. — 1996. — 46 с.

Гунченко С.Д. Смыслові аспекти використання англійської юридичної термінології. — Стаття.

Анотація. У статті розглянуто взаємозв'язок правничої термінології з юридичною наукою, її актуальність на сучасному етапі розвитку української державності й української мови; взаємовідношення між юриспруденцією та мовознавством в межах юрислінгвістики, як науки. На базі англійських термінів проаналізовано їх неоднозначність використання, а звідси — неточне або помилкове вживання у формулюванні правових норм, що призводить до неоднозначного їх тлумачення.

Ключові слова: юрислінгвістика, терміни юридичної науки, правова свідомість, лінгвокультуро-логія, англійська юридична терміносистема

Gunchenko S.D. Semantic Aspects of Using English Legal Terminology. — Article.

Summary. The article examines the terminology in legal science and its relevance to the development of the Ukrainian state and Ukrainian language, the relationship between linguistics and jurisprudence within of jurislignistics as a science.

Key words: jurislignistics, terms of legal science, legal consciousness, linguistics, English legal term system.